

Из семейного архива

Я здесь хочу немного рассказать о детстве и ранних годах жизни моей маменьки, ее университетских годах, так как понимаю, что некоторые факты этого периода ее биографии никто, кроме меня, уже, пожалуй, и не знает. Среди ее сокурсников в живых почти никого не осталось, а ее старшие брат и сестра уже давно умерли.

Родилась маменька 19 марта 1925 г. в деревне Потепеньки (13 км от райцентра) Любимского района Ярославской области. Интересна история, каким образом Абрамовы оказались в деревне. Правда, этот рассказ я слышал один раз и не могу полностью ручаться за его достоверность. Мой прадед отличался огромной физической силой (он поднимал обеденный стол из дуба за один угол зубами), во время революции 1905 г. выбросил управляющего завода, где он работал, через забор, за что был сослан в Ярославскую губернию. Там у его сына Александра Ивановича родились дети Анатолий, Нина и Зоя. Маменька была самой младшей в семье.

Родители привезли ее в Ленинград, когда ей исполнилось 4 года. Первое впечатление от города и от Невы, когда ее везли на трамвае по Троицкому мосту, было: «Морё то кокое!» — с огромным ярославским акцентом.

Сначала они жили в доме 38/96 по Каменноостровскому в комнате с окнами во двор, а затем в доме 31—33 по тому же Каменноостровскому, в большой коммунальной квартире на втором этаже, в большой комнате с окнами на Каменноостровский. В школу маменька ходила практически напротив дома (угол Каменноостровского и Большого Петроградской стороны), там теперь находится Дом творчества юных. Летом бабушку, маменьку и тетю Нину вывозили на дачу в Горскую, а дед и дядя Толя оставались в городе, так как работали. Раз или несколько раз в неделю бабушка приезжала с дачи и мыла посуду (которую дед складывал в большую лохань с водой) и готовила еду, чтобы хватило до ее следующего приезда.

В школе маменька училась на «отлично» и была награждена поездкой в Артек в 1938 г. Среди ее школьных друзей особого внимания заслуживают Борис Михайлович Михайлов и Леонид Маркович Вольфсон, дружба с которыми продолжалась и в послевоенные годы. Об остальных своих одноклассниках маменька почти ничего не говорила, да и мало кто из них остался в живых. Школу до войны ей закончить не удалось.

В августе и сентября 1941 г. маменька участвовала в строительстве Лужского оборонительного рубежа. Затем началась блокада Ленинграда. Всю первую, самую тяжелую зиму 1941—42 гг. маменька провела в городе. Об этом периоде своей жизни она практически никогда никому ничего не рассказывала. Если кто-нибудь спрашивал о блокаде, то она максимально быстро старалась уйти от этой темы. Единственное, что у нее осталось от блокады, — это очень бережное отношение к хлебу. Потом в экспедициях я неоднократно замечал, что если человек оставлял что-то из еды в миске, то она к этому относилась достаточно спокойно, но если выбрасывался кусок хлеба, то ее лицо очень быстро менялось, и появлялось не всегда приятное выражение. Также она откровенно не любила звук метронома, он слишком о многом ей напоминал. Во времена моего детства, когда был только один канал радиотрансляции, а телевизор был вначале далеко не у всех, по радио очень часто включали метроном, и маменька тут же подходила к радио и выключала его. В более поздние годы по поводу блокады она всех отсылала к книгам Бориса Михайловича (у него о блокаде Ленинграда их было две: одна самиздатовская во времена Брежнева, и вторая — официально изданная в самом начале 2000-х годов).

В июле 1942 г. через Ладугу бабушка, тетя Нина и маменька были вывезены в эвакуацию в набольшую деревушку в предгорьях Алтая. Об этом периоде своей жизни маменька тоже рассказывала крайне редко и крайне мало. После эвакуации маменька очень долгое вре-

мя не только не ела свеклу в любых видах, но и не могла ее видеть. Тогда же она переболела цингой.

В 1942 г. в Ленинграде умер маменькин отец Александр Иванович, а в 1943 г. — его младший брат Алексей Иванович. Оба похоронены на Серафимовском кладбище.

В 1945 г. семья вернулась из эвакуации. Комната, в которой они проживали до эвакуации на Каменноостровском, оказалась занята каким-то мелким чиновником из райкома партии. В результате семья оказалась в пятикомнатной коммунальной квартире на последнем этаже в комнате в 20 кв. м в угловом доме у Сампсониевского моста. Потолок вечно протекал, однажды даже обвалился большой кусок штукатурки; хорошо, что в тот момент никого не было дома.

Так как надо было на что-то жить и заканчивать хотя бы вечернее образование, в том же 1945 г. маменька устроилась на работу вольнонаемной на базу Военно-морского флота СССР в Порккала-Удд, расположенную на территории Финляндии в 30 км юго-западнее Хельсинки, непосредственно на берегу Финского залива в самой его узкой части. Она работала помощником киномеханика, что давало ей достаточно времени для самообразования. Вернулась в Ленинград в марте 1946 г. и сдала выпускные экзамены за среднюю школу. Она хотела поступать на геологический факультет в университет, но там надо было сдавать математику, а знаний в этой области, как считала маменька, у нее было недостаточно. Поэтому она выбрала не менее романтическую специальность и поступила на исторический факультет университета на кафедру археологии. Кстати, она была очень довольна, когда я исполнил ее мечту: поступил на геологический факультет университета и стал профессиональным геологом.

Потом начались годы учебы в университете, о которых у маменьки были самые лучшие воспоминания. В это время она обзавелась огромным количеством друзей, с большей частью которых поддерживала отношения всю свою жизнь. При этом она дружила и со своими одноклассниками: Борисом Михайловичем Михайловым, доктором геолого-минералогических наук, ставшим одним из ведущих специалистов СССР по бокситам и закончившим свой трудовой путь ученым секретарем ВСЕГЕИ, Леонидом Марковичем Вольфсоном, очень долгое время работавшим главным конструктором в оборонной промышленности СССР и РФ (одна из его разработок была реализована на Венере, ког-

да изучался атмосферный состав этой планеты). Среди однокурсниц она была очень близка с Люсей Коршуновой и Клавой Павловой (так подписаны очень многие оборотные стороны фотографий того времени) со своей кафедрой.

В 1948 г. состоялась ее первая археологическая экспедиция в Бурят-Монголию на р. Селенга под руководством профессора А. П. Окладникова. Эта студенческая экспедиция оказалась для маменьки очень знаменательной. Многие не выдерживают полевого быта, она же, наоборот, стала настоящим экспедиционником. Очень интересна краткая зарисовка из той экспедиции (с ее слов). А. П. Окладников расставлял студентов по местам работы, а дальше звучала команда: «Зоя, за мной». Маменька очень часто была его маршрутной парой.

Во время учебы в университете, помимо руководителей кафедры, студентам-археологам читали лекции такие известные в научном обществе профессора, как В. В. Мавродин, С. Б. Окунь, М. К. Каргер.

В университетские годы маменька очень подружилась с А. Д. Столяром, М. И. Рутенбургом, М. Ф. Чигринским, Н. Е. Носовым, Н. И. Горкуновой, Р. Ф. Итцем (это только те фамилии, которые я хорошо помню с глубокого детства). Особенно теплые воспоминания у меня сохранились об Абраме Давидовиче.

Пока маменька училась в университете, тетя Нина, которая в эвакуации вышла замуж, при помощи остальной большой семьи Абрамовых построила дом во Всеволожской, куда она с семьей переехала жить. Кстати, на этой же улице одновременно были построены дома и других наших родственников (родственники жены моего дяди — старшего брата маменьки). Всеволожская в дальнейшем сыграла большую роль в жизни непосредственно нашей семьи.

На пятом курсе маменька вышла замуж за своего одноклассника Бориса Айзиковича Черномордика. 22 августа на свет появился я, ее сын. В том же году она поступила на работу в ЛО ИИМК.

В 1952 г. маменька увезла меня в экспедицию под Усть-Лугу, а в 1953 г. в Костенки. Работать в экспедициях с маленьким ребенком было весьма и весьма сложно, поэтому летом, на время полевых работ, меня отправляли во Всеволожскую под присмотр тети Нины, дяди Андрея и их дочерей (племянниц маменьки) Людды и Лены. Маменька была очень благодарна своей сестре и племянницам за эту огромную помощь. Так продолжалось до лета

№1. 2015

1959 г., когда маменька взяла меня в экспедицию на Ангару, где она проводила раскопки палеолитической стоянки Красный Яр.

При этом нельзя сказать, что я был брошенным ребенком. Отец в то время работал учителем истории в Жихарево в 80 км от Ленинграда (зарплата у маменьки была очень маленькая, а семью надо было кормить) и постоянно жить в городе не мог. Поэтому каждый день утром маменька отводила меня в детский сад Академии наук, расположенный в Ботаническом саду со стороны ул. Проф. Попова, а вечером забирала домой. Дорога была неблизкой, так как транспорт туда не ходил. Поэтому мы в любую погоду шли пешком от угла ул. Куйбышева и Петровской набережной, где тогда жили, вдоль Малой Невы, мимо огромных куч песка, заскладированных бревен (тогда Петроградской набережной в ее нынешнем виде еще не было) и здания Гренадерского полка и, естественно, разговаривали. Темы этих разговоров я, конечно, не помню. Также в хорошую погоду мы очень много гуляли по городу: выбирался какой-нибудь маршрут, а маменька великолепно знала город (очень много читала о городе) и по дороге мы читали все надписи на домах, представляющих историческую ценность. Так мы прошли пешком Мойку, Фонтанку, канал Грибоедова, Выборгскую набережную и многие другие улицы в центре города. Также мы посещали и музеи города от Эрмитажа (маменька очень любила третий этаж, где тогда были выставлены импрессионисты) до музея Суворова. Зимой мы практически каждое воскресенье, если был снег, выезжали на лыжные прогулки. Это мог быть Зеленогорск, Комарово, Всеволожская. Или брали лыжи и ехали к ее университетской подруге Клавдии Васильевне Павловой, которая жила на Лосиноостровской (ныне Жака Дюкло) улице, практически рядом с Сосновкой. Тогда это был конец города. Дальше были только совхозные поля.

Начиная с 1962 г. маменька стала брать меня в экспедиции на Енисей, сначала на раскопки в Кокорево, а затем в Таштык. Там под ее руководством я прошел курс «молодого бойца», т. е. экспедиционника. Она научила меня стоять на лопате, в одиночку ставить палатку, работать с нивелиром, готовить на 10—15 человек. В ее экспедициях перебивало очень много интересных людей: от профессиональных археологов до простых студентов. Я, конечно, не всех помню. Заранее прошу извинения у многих людей: хотя я и намного младше, но помню их только по имени, так как в экспе-

диции они тогда еще были очень молодыми. Среди археологов мне запомнились: Галина Федоровна Коробкова, Нина Михайловна Ермолова (палеозоолог), Миша Гладких с женой Тamarой («Мыша, съмай бруки. Давай загорай!»), Юра Березкин («Зоя Александровна, а как же мы будем брать из реки воду? Ведь мы же здесь купаемся!»), Юра Пиотровский, Вадим Михайлович Массон. Приезжали и профессиональные геологи: Семен Маркович Цейтлин из ГИНа, Авраменко (директор краеведческого музея г. Ачинска, отсидевший с 1938 г. по 1953 г.). В полевых работах принимали участие студенты совершенно разных специальностей: Валя Гаврилов и Володя Сальников (будущие архитекторы), братья Паянские Юра и Валера (Лесная академия), Левон Пиотровский (университет, химический факультет), Володя Трофимов и многие другие. Маменька один раз вывезла в экспедицию на Енисей свою племянницу Люду, которая познакомилась там с будущим мужем — Лней Алексеевым (сейчас у них двое детей, и оба мальчишки).

Маменька очень любила читать и собрала большую библиотеку от русских и иностранных классиков до Фазиля Искандера и Чингиза Айтматова, от Рокуэлла Кента до Иржи Ганзелки и Мирослава Зигмунда. Но особое предпочтение она отдавала Анне Ахматовой. Ей посвящена огромная подборка книг. В библиотеке есть и ее прижизненные издания, и воспоминания о ней современников, и огромная литературоведческая подборка.

Особенно много маменька стала читать художественную литературу после того, как родители почти 25 лет прожили в коммунальной квартире, где, по ее высказыванию, было три вещи: «Клопы, тараканы и соседи». Им удалось с большими сложностями купить трехкомнатную квартиру в жилищно-строительном кооперативе. Комната в коммуналке была площадью 20 кв. м, а по закону ставили на очередь или брали в кооператив, если на человека было менее 6 кв. м, а нас было трое. Так как отец в это время уже давно работал в городе и от райкома партии был прикреплен к заводу «Электрик», то при строительстве заводского кооперативного дома по ходатайству райкома одна из квартир, которая должна была отойти в город, была продана моим родителям. Квартира находилась очень далеко от центра, и маменька была вынуждена ездить на работу и с работы на трамвае, а это более часа в одну сторону. Таким образом, у нее появилось дополнительное время для чтения.

Вообще маменька была очень целеустремленным и собранным человеком. В 40 лет, интересуясь искусством палеолита, она поняла, что без знания французского языка очень сложно стать настоящим специалистом в этой области. Поэтому она пошла на вечерние курсы языка, которые посещала в течение 3-х лет трижды в неделю. Уроки языка и его освоение очень понадобились, и в конце 1974 г. она в течение месяца читала курс лекций по палеолиту СССР в Коллеж де Франс при Сорбонне, а затем месяц со своими коллегами-французами путешествовала по пещерам Франции, и многие произведения палеолитического искусства смогла увидеть воочию. Знания французского, которым она овладела почти в совершенстве, пригодились и потом, когда на многочисленных съездах археологов, будучи сопредседателем, маменька проводила собрание на этом языке. Она очень много читала как специальную литературу, так и художественную, в основном так называемую «бульварную», так как именно такие книги написаны на разговорном французском.

Еще один пример ее силы воли и целеустремленности. В одной из экспедиций на Енисее перевернулась экспедиционная машина. Почти никто не пострадал, все отделались легкими ссадинами и ушибами, но у маменьки были обнаружены три сломанных грудных позвонка. В результате она провела несколько месяцев в гипсовом корсете на вытяжке в Новоселово, потом последовал очень сложный с физической точки зрения перелет в Ленинград, опять вытяжка, несколько месяцев реабилитации. Один из врачей посоветовал: для того чтобы уменьшить боли в спине и вернуться к нормальной жизни, надо создать так называемый «мышечный корсет». Для этого требовались долгие и упорные занятия лечебной физкультурой. Дома был специально сделан турник, на котором маменька несколько раз в день сначала просто висела, а потом стала делать на нем различные упражнения. При этом продолжалась обычная физкультура, в основном направленная на мышцы спины. В результате почти за два года после травмы маменька восстановилась полностью и снова смогла ездить в экспедиции, где по-прежнему могла идеально зачищать стенки раскопа.

Сколько я ее помню, она никогда ни на кого не повышала голос, хотя в экспедициях иногда

без этого трудно обойтись. Маменька считала, что руганью вопросы не решить, а можно все высказать обычными словами с обычными интонациями, чтобы человек понял, где и почему он был неправ. Припоминается один из таких случаев в Кокорево. В экспедиции один из студентов, мастер спорта по плаванию, решил в одиночку переплыть Енисей. Течение там очень быстрое (проплыть 10 м против течения — то же самое, что 100 м в бассейне, а может, и больше). Он переплыл на другую сторону реки, но при этом его снесло примерно на 1 км. Так что он прошел по тому берегу около 2 км вверх, чтобы переплыть назад. В общем, после заплыва маменька позвала его к себе в палатку и в течение примерно получаса о чем-то с ним тихо говорила (без свидетелей). Что она сказала, никто не знает, но студент вышел из палатки очень побледневший, и после этого попыток переплыть Енисей у него уже не было.

И еще, маменька очень любила и знала лес, особенно любила и умела собирать грибы. У нее это звучало так: «Там должны быть грибы. Надо идти туда». И там действительно были грибы. Они с отцом практически каждый год после ее экспедиции выезжали на базу отдыха завода «Электрик», в пограничную зону севернее Выборга, где она с упоением собирала грибы. А потом сушила их и необыкновенно вкусно солила. Маменька и меня научила солить грибы, но так, как у нее, у меня не получается, хотя все делаю вроде бы так же. Последний раз она собирала грибы в Новгородской области, где у нас свой маленький домик. Это доставило ей большую радость.

Как только она узнавала, что я с женой и внуками собираемся к ней приехать, она тут же очищала большой стол (маменька любила работать на большой площади, чтобы все сразу было под рукой) и готовилась к нашему приезду. Ей доставляло радость приготовить что-нибудь вкусненькое или чем-нибудь порадовать внуков (внучку и внука), а затем и правнуков (правнука и правнучку).

Без 10-ти минут 8 утра 31 октября 2013 г. маменьки не стало.

Но я потом еще очень долго ловил себя, что мне надо ей позвонить, расспросить о здоровье, делах. Если надо, приехать, что-нибудь привезти из еды или чего-нибудь еще, или приготовить. А потом вдруг «раз», а звонить-то уже и некому.

*А.Б. Черномордик, сын
З.А. Абрамовой*

№1. 2015

Для многих женщин слово «свекровь» ассоциируется с чем-то неприятным, мне же повезло: моей свекровью была Зоя Александровна Абрамова — человек удивительной мудрости, доброты и интеллигентности. Ее безграничная любовь к сыну никогда не мешала нашим отношениям, она всегда была готова помочь, никогда никого не осуждала, ни во что не вмешивалась.

Общение с ней всегда было радостью. Родившись в Ярославской деревне в простой семье, она всего добилась сама, стала ученым с мировым именем, но сохранила при этом удивительную скромность. Она не любила модных нарядов и даже не одела на свадьбу сына специально сшитое старшей сестрой абрикосовое шелковое платье, слишком модное, по ее мнению.

Она не носила украшений, но с удовольствием их дарила и мне, и внучке.

Собрать ее гардероб для поездки в Париж было не так-то просто. Только однажды она согласилась украсить наряд черными бусами, а потом смущенно рассказывала о ком-

плиментах на парижской конференции, где она была одним из сопредседателей, прекрасно говоря на французском, который выучила в 40 лет.

А далее неожиданно могла рассказать к месту какую-нибудь деревенскую присказку, вроде «хороша закуска капуста, и подать не стыдно, и съедят — не жалко», или:

Шел хрен,
Нашел хрен,
И думает хрен,
На хрен мне хрен?
Взял хрен за хрен,
И выкинул на хрен.

Как мы все смеялись тогда!

Много работая, Зоя Александровна отдыхала, читая хорошие книги, газеты, азартно болея за «Зенит» вместе с внуком. Пока были силы, с удовольствием ходила за грибами, которые превосходно солила. А какие у нее были пироги! А какая квашеная капуста!

Она была удивительной мамой и бабушкой.

И нам всем ее очень не хватает ...

*Анна Нестеренко, невестка
З.А. Абрамовой*

Фото 1. Семейство Абрамовых: Александр Иванович и Мария Степановна с детьми Анатолием, Ниной и Зоей. 1929—1930 гг.

Foto 1. The Abramovs family: Alexander Ivanovich and Maria Stepanovna with their son Anatoly and daughters Nina and Zoya, 1929—1930.

Фото 2. Артек. Март 1938 г.

Foto 2 Artek, March of 1938.

Фото 3. Студенческие годы.

Foto 3. Zoya Abramova in her student days.

Фото 4. Ленинград. 23 марта 1948 г. Группа студентов II курса 7 группы археологического отделения Исторического факультета ЛГУ. Слева направо: I ряд: Б. Черномордик, Р. Покровская, В. Даманский, Л. Гольдфарб; II ряд: Б. Павлов, А. Котелов, М. Иоффе, А. Иерусалимская, Л. Тарасюк, Р. Драпкина, А. Грач, А. Щанов; III ряд: Г. Смирнова, Л. Коршунова, З. Абрамова, Л. Клейн, К. Павлова, О. Введенский, А. Бураков, С. Погодин.

Foto 4. Leningrad, 23 March 1948. Group of second-year students of the Archaeological division, Historical Faculty, Leningrad State University. From left to right, 1st row: B. Chernomordik, R. Pokrovskaya, V. Domansky, L. Goldfarb; 2nd row: B. Pavlov, A. Kotelov, M. Ioffe, A. Ierusalimskaya, L. Tarasyuk, R. Drabkina, A. Grach, A. Shchanov; 3rd row: G. Smirnova, L. Korshunova, Z. Abramova, L. Klejn, K. Pavlova, O. Vvedensky, A. Burakov, S. Pogodin.

Фото 5. З.А. Абрамова и Б.А. Черномордик. Свадебная фотография.

Foto 5. Z.A. Abramova and B.A. Chernomordik. Wedding photo.

Фото 6. Ораниенбаум. Весна 1959 г.

Foto 6. Oranienbaum, spring of 1959.

Фото 7. Кокорево. 1963 г.

Foto 7. Kokorevo, 1963.

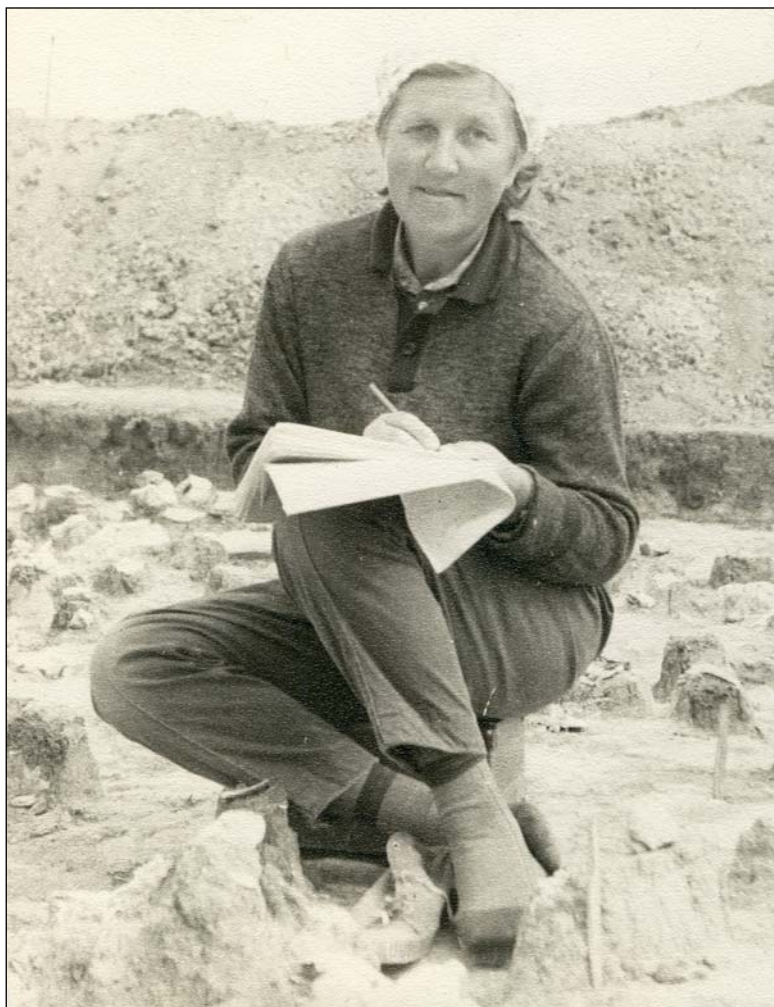

Фото 8. Костенки. 19 июня 1971 г. Слева направо: М.Д. Гвоздовер, Г.П. Григорьев, А.Н. Рогачев, З.А. Абрамова, Н.Б. Леонова.

Foto 8. Kostenki, 19 June 1971. From left to right: M.D. Gvozdover, G.P. Grigoriev, A.N. Rogachev, Z.A. Abramova, N.B. Leonova.

Фото 9. Костенки. Начало сентября 1971 г.

Foto 9. Kostenki, early September of 1971.

Фото 10. Тихий Дон. Сентябрь 1971 г. Любимая фотография З.А. Абрамовой из экспедиционных снимков.

Foto 10. The Quiet Don, September of 1971. Z.A. Abramova's favorite field photograph.

Фото 11. Костенки. Август 1972 г. С Н.Д. Прасловым.

Foto 11. Kostenki, August of 1972. With N.D. Praslov.

Фото 12. Франция. в пещере Тюк д'Одубер.
29 декабря 1974 г.

Foto 12. France, Tuc D'Audoubert, 29 December
1974.

Фото 13. Новосибирск. 31 марта 1975 г. С А.П. Окладниковым (слева) и П.И. Борисовским (справа).

Foto 13. Novosibirsk, 31 March 1975. With A.P. Okladnikov (on the left) and P.I. Boriskovsky (on the right).

Фото 14. США. 22 июня 1991 г. С Г.Ф. Коробковой (слева) и О.А. Соффер (справа).

Foto 14. USA, 22 June 1991. With G.F. Korobkova (on the left) and O.A. Soffer (on the right).

Фото 15. Токсово. С мужем и внучкой. Октябрь 1993 г.

Foto 15. Toksovo, October of 1993. With husband and niece.